

Капитанъ Воиновъ.

(Окончаніе).

ь кабинетъ капитана Воинова вошелъ его деньщикъ и, стараясь двигаться тихо и безшумно, началъ лѣниво убирать громадную, сплошь заставленную рѣдкими японскими вещами, комнату, гдѣ царилъ полный беспорядокъ.

На широкой кожаной отоманкѣ, надъ которой висѣла великолѣпная шкура бенгальскаго тигра, валялось брошенное пальто, шашка на новой португелѣ, свѣжія кожаныя перчатки и фуражка.

Тяжелое дубовое, со спинкою въ формѣ подковы, кресло было опрокинута; на большомъ письменномъ столѣ, гдѣ по угламъ стояли два громадныхъ бронзовыхъ бога чудной работы, лежали газеты, журналы и письма, накопившіяся въ теченіе его заграничнаго отсутствія и вчера только имъ просмотрѣнныя; въ высокой рѣзной башенкѣ съ гранеными стеклами, въ видѣ легкаго и круглаго минарета, все было, что называется, вверхъ дномъ: маленькія и красивыя бездѣлушки валялись въ перемежку съ предметами старины,

1) См. № 6 «Воен. Сб.».

изящными только вчера привезенными заграничными сувенирами и массой японскихъ и китайскихъ вещицъ, рѣдкихъ художественныхъ работъ по дереву, мрамору, камню и бронзѣ, тончайшихъ и кропотливыхъ произведеній причудливаго японскаго водчества; въ углу, на длинномъ мягкомъ диванѣ, сидѣлъ красиво расчесанный бѣлый шпигъ и равнодушно грызъ уродливую статуэтку деревяннаго Будды.

Въ прихожей раздался звонокъ и деньщикъ бросился открывать двери, запустивъ мимоходомъ метелкой и щеткой въ яростно залаившаго шпица.

— Эй, кто тамъ? закричалъ проснувшійся отъ этого шума капитанъ Воиновъ. Остапчукъ, кто пришелъ? снова крикнулъ онъ, чувствуя себя какъ будто помолодѣвшимъ и окрѣпшимъ послѣ своей поѣздки въ Меранъ.

— Письмо, вашбродіе, письмо отъ нашей барышни, почтительно, съ радостной улыбкой, доложилъ, словно выросшій изъ подъ земли, шустрый Остапчукъ. Такъ что приказать изволили отвѣтъ дать, прибавилъ денщикъ, подавая правой рукой маленькую раздушенную записку, а лѣвую опутивъ по швамъ.

— Отъ Вѣрочки! пронеслось у него въ головѣ и острое, сладостное воспоминаніе заставило быстро, быстро забиться его сердце.

— Милый Жорикъ, писала Вѣра, какъ только проснешься, иди къ намъ пить кофе; я сама его приготовлю моему милому и дорогому Жорикъ. Всю ночь не спала я, радостная, счастливая, успокоенная твоимъ цвѣтущимъ бодримъ видомъ. Милый, миленькій Жорикъ, приходи поскорѣе, я жду, жду тебя, чтобъ горячо расцѣловать! Вся твоя Вѣра.

— Скажи—хорошо, приказалъ онъ Остапчуку, быстро вскакивая съ кровати и поспѣшно одѣваясь.

— Остапчукъ, Остапчукъ, мыться, да поскорѣе! Да гдѣ же ты тамъ запропостился? Остапчукъ, Остапчукъ!!

— Здѣсь, вашбродіе! Двери закрывалъ, докладывалъ ловкій хохоль, привычнымъ и хорошо рассчитаннымъ движеніемъ сливая на руки своего барина холодную струю воды.

Черезъ нѣсколько минутъ, свѣжій и бодрый, съ пріятнымъ чувствомъ возстановленнаго здоровья, входилъ Воиновъ къ Евичъ, радостно всѣми встрѣчаемый, привѣтствуемый «добро пожаловать» Петренко и обнимаемый милыми ручками горячо любимой имъ красавицы-дѣвушки, еще болѣе обворожительной, чѣмъ до его отъѣзда.

— Ну что, какъ? посыпались на него вопросы.

— Садись, Жорикъ. Да, не тормошите же его, дайте хоть кофе спокойно выпить! защищала его Вѣра, силясь освободить Воинова отъ разспросовъ и поздравленій своей матери и двухъ старшихъ замужнихъ сестеръ.

* * *

«Уныло сыплются цвѣты... Густой туманъ прудъ застилаетъ. Гуси дикіе кричать испуганно на озерѣ святомъ Иваре. Сны мрачныя встаютъ надъ моею головою, на сердцѣ тяжесть. Черезъ годъ, когда раздастся снова крикъ гусей, я не услышу ихъ».

Отоснуно Оци.

— Нѣтъ, докторъ, скажите мнѣ правду; мнѣ надо знать всю правду; не надо успокаивать меня, я вѣдь и самъ хорошо знаю и чувствую, что я уже не тотъ, какимъ вернулся изъ Мерана!

— Но право, капитанъ, ничего опаснаго, ужаснаго нѣтъ, хотя я и не скрываю, что вамъ необходимо серьезно лѣчиться и жить безвыѣздно на югѣ.

— Скажите мнѣ, докторъ, перебилъ его волнующійся и блѣдный Воиновъ, сколько времени могу я еще прожить?

— Добрѣйшій капитанъ, я право не Богъ, чтобы отвѣтить на поставленный такъ вопросъ, но я снова повторяю, что отчаяваться нечего: ваше легкое можетъ зарубцеваться, зажить, и вы снова будете сильнымъ и здоровымъ молодцомъ, а пока капитанъ побольше твердости, мужества! Кто знаетъ? Чего только въ жизни не бываетъ?

Медленно и тихо, едва шевеля ногами, шелъ Воиновъ къ себѣ домой, нарочно выбирая самый дальній путь, самыя глухія и пустынные улицы. Мысль остаться одному со своими тяжелыми грустными думами пугала его своей безысходностью.

Какъ, такъ скоро болѣзнь снова дала себя знать и въ такой ужасной степени? На кого онъ похожъ, такой худой, слабый... Вотъ въ зеркальномъ окнѣ большого моднаго магазина видно его лицо, да его-ли это? Тамъ вѣдь какой-то другой, мало знакомый ему офицеръ, съ блѣднымъ, мертвенно-блѣднымъ, лицомъ и тускло горящими глазами.

Докторъ только успокоивалъ его, конечно, онъ отлично это чувствовалъ, но всетаки это такъ ужасно, такъ жестоко!

А Вѣра?

При мысли о ней, такой молодой, жизнерадостной, дорогой и чистой дѣвушкѣ, все вдругъ завертѣлось передъ его глазами: улицы, дома, магазины съ блестящими витринами, спѣшащiе куда-то прохожіе, неподвижно стоявшiй на углу городской, проѣзжающiе извозчики, быстро промчавшiйся бѣлый автомобиль, красные звенящiе трамваи...

Онъ долженъ былъ прислониться къ воротамъ какого-то большого дома, чтобъ не свалиться съ ногъ, а изъ его больной груди вырвался глухой отчаянный кашель. Онъ досталъ платокъ изъ кармана и блѣдно-красныя пятна крови остались на бѣломъ квадратѣ платка, эти характерные и увы! слишкомъ краснорѣчивые признаки убійственной болѣзни.

Холодная маска мужества, которую онъ носилъ, чтобы держать себя въ рукахъ и не беспокоить другихъ и въ особенности ее, бѣдную, такъ снова страдающую Вѣру, соскользнула съ его позеленѣвшаго лица и онъ, тяжело и нервно всхлипывая, упалъ на руки Остапчука и ефрейтора своей роты, давно за нимъ слѣдившихъ и незамѣтно сопровождавшихъ его по пятамъ отъ самой его квартиры.

* * *

«Кто далъ любви названіе такое? Не лучше-ль умраніемъ любовь назвать; одно и тоже вѣдь любить и умирать».

Незавѣстный японскій авторъ изъ собранія Кокиншю.

Когда я читалъ Густава Флобера, мнѣ чрезвычайно понравилась его мысль о самоубійствѣ, которую онъ считаетъ самой утѣшительной изъ всѣхъ мыслей человѣка. Ибо, говоритъ онъ, ничто уже не въ состояніи поразить васъ. Вы почти мертвецъ! При каждой новой, скорбной вѣсти, вы можете сказать себѣ: все зависитъ отъ меня, если бы я захотѣлъ, того не было бы!

И мнѣ кажется, что съ того памятнаго дня, когда я, возвращаясь отъ доктора, впервые созналъ весь ужасъ своего положенія, я дѣйствительно почти мертвецъ, ибо недолго осталось мнѣ тянуть мучительную лямку скорбной и половинчатой жизни.

И это такъ подходитъ къ моему теперешнему настроенію, ко всему складу моей настоящей полужизни, послѣдней угасающей ея половинкѣ, что я долго, долго сижу, едва шевеля перомъ и безпрестанно кашляя, стараясь разобраться въ томъ хаосѣ мыслей, предчувствій и тонкихъ, едва уловимыхъ, ощущеній, которыя вдругъ напали на меня такія цѣпкія, липкія, назойливыя, неотвязчивыя и мучительныя на сплошномъ и скорбномъ фонѣ чего-то безысходнаго, жестоко-неизбѣжнаго...

Да и какая можетъ быть теперь у меня болѣе скорбная вѣсть, чѣмъ та, въ письмѣ Вѣры, гдѣ она повторяетъ, что не хочетъ пережить меня, несмотря на возвращенное ея роднымъ мое слово и предоставленную мною ей полную свободу?

Я почти мертвецъ, отрѣшившійся отъ жизни... А она?

Она—не отъ міра сего.

Какая-то экзальтированная, чудная, мистически настроенная въ своей повышенной религіозности; все ходитъ по церквамъ въ черномъ монашескомъ платьѣ.

Вотъ и сегодня она ѣздила со мною въ монастырь далеко за городомъ, старый женскій монастырь, гдѣ такъ хорошо ее знаютъ и гдѣ мы исповѣдывались и причащались, какъ того захотѣла зачѣмъ-то она, вѣрующая Вѣра...

Я почти мертвецъ... А она? Она должна жить!! Она не имѣетъ права даже и думать, не то что говорить и писать мнѣ, что она не переживетъ меня и что «одно и тоже вѣдь: любить и умирать». Вѣра должна жить!!! Должна жить на радость, на утѣшеніе и счастье всѣмъ, такая красивая, нѣжная, благоухающая своей чарующей, неземною прелестью. . . . .

Вчера мы были въ Лазенкахъ, гдѣ долго гуляли по красивымъ, гнѣистымъ и безконечнымъ аллеямъ; у нашихъ ногъ, на ласковомъ и тихомъ озерѣ, сверкающемъ и искрящемся подъ радостными лучами горящаго солнца, плавно скользила, въ пріятномъ сознаніи своей красоты, группа бѣлыхъ лебедей съ чернымъ австралійскимъ впереди, словно нарядившіяся на свой завѣтный первый балъ бѣлоснѣжныя дѣвушки, съ красавцемъ—чернымъ безсмертнымъ гусаромъ впереди...

Весело смотрѣли въ гладкое зеркало водъ древнія окна, прелестныя фигуры и художественныя мраморныя группы историчес-

каго блага дворца; словно напѣвая дивные сны, журчалъ ручеекъ, незамѣтно сливаясь съ тихо струившимся неугомоннымъ озернымъ родникомъ; прилетѣли голуби къ водѣ, всколыхнулась рыба въ озерѣ, пускающая широкіе, правильные, все разрастающіеся круги . . . Было такъ хорошо!

Какъ пріятно дышалось въ этомъ дивномъ паркѣ, какой поэзіей, какой тихой прелестью звучали слова Вѣры, казалось, наполнявшія все собою!

— Милый, говорила она, развѣ не хочется тебѣ войти вмѣстѣ со мною вотъ въ эту уютную лодочку и поплыть по заснувшему озеру, вонъ къ той каменной пристани, на которой, кажется, еще сохранился до сихъ поръ слѣдъ маленькой ножки княжны Ловичъ. Милый Жорикъ! Какъ я понимаю, что можно отказаться отъ всего, чтобы только замкнуться здѣсь, въ этомъ чудесномъ меланхолическомъ паркѣ, съ такимъ ласковымъ дивнымъ озеромъ...

— А я!

— Я отдаю самое лучшее и дорогое, что только есть у меня, жизнь свою, моему милому, милому Жорикъ. Вѣдь ты принимаешь ее, не оттолкнешь ее, мой бѣднусенькій больной, упавшій духомъ Жорикъ?

Я конечно отвѣчалъ:

— Вѣра, ты не имѣешь право говорить такъ; ты должна, обязана жить на радость, утѣшеніе и счастье всѣмъ. Понимаешь-ли ты меня, Вѣра?

А она все твердитъ свое. . . . .

Тутъ дневникъ прервался. Что случилось дальше, почему ему не удалось настоять на своемъ и почему они рѣшили вмѣстѣ покончить счеты съ жизнью, осталось для меня неразрѣшимой мучительной загадкой, унесенной Воиновымъ съ собой въ могилу.

Но въ его дневникѣ я нашелъ, переписанную ея рукою, слѣдующую пятистрочную танку японской поэтессы, жившей около 1000 года, Ичуми Шукибу:

«Милый, ко мнѣ наклонись!

Раньше, чѣмъ я умру, дай на тебя поглядѣть,

чтобы въ глазахъ и въ душѣ образъ твой унести въ вѣчность темной страны...

* * *

«Миръ этотъ—только суета!
Моря слезъ не достало бѣ, чтобъ
всѣ скорби его оплакать!»

Марія Стюартъ.

Сегодня мы ихъ хоронили.

Была масса народа, чуть-ли не весь городъ пришелъ отдать послѣдній долгъ имъ, любящимъ до гроба, принесть вѣнки, цвѣты и свое послѣднее праздное «прости», свой первый и послѣдній любопытствующій привѣтъ...

Отъ громадной толпы въ церкви негдѣ было стоять и депутаціи полковъ, несшія вѣнки, съ трудомъ пробирались къ гробамъ, стоявшимъ рядомъ и засыпаннымъ цѣлымъ моремъ букетовъ, вѣнковъ, отдѣльныхъ чудныхъ цвѣтовъ.

Для отданія послѣднихъ воинскихъ почестей была назначена вся его рота, такая печальная, тоскливая, грустная.

Солдаты плакали навзрыдъ по любимомъ ротномъ командирѣ и ихъ простое, безыскусственное, трогательное горе невольно дѣйствовало на окружающихъ, и безъ того уже бывшихъ въ приподнятомъ настроеніи.

У старика знаменщика, стоящаго въ сторонѣ отъ публики, на глазахъ стояли слезы, когда я проходилъ мимо его.

«Ваше скородіе», печально сказалъ онъ мнѣ, «бѣдный капитанъ и барышня! Какъ этого можно было ожидать!»

Фельдфебель восьмой роты, не находя себѣ покоя отъ душившаго его горя, ходилъ вдоль строя и, подбадривая себя, столько лѣтъ служившаго вмѣстѣ съ капитаномъ Воиновымъ, говорилъ солдатамъ дрожащимъ голосомъ: «Ну, ну, хлопцы, подтянись, подбодришься, подыми голову; сейчасъ братъ на караулъ!»

И дѣйствительно, въ открытыхъ настежь дверяхъ нашей полковой церкви, при траурномъ перезвонѣ колоколовъ, показались группы офицеровъ полка, несшія гробы, покрытые массой вѣнковъ и живыхъ цвѣтовъ.

Раздались установленныя команды. Замершій строй роты, въ послѣдній разъ отдавая честь, взялъ на караулъ своему ротному. Загрохотали барабаны, ихъ перебили высокія ноты горнофлейтистовъ и грустные, печальные звуки «Коль Славень».

Тихо подвигались двѣ рядомъ идущія бѣлыя колесницы, сопровождаемыя родными, друзьями, многочисленными товарищами, толпой знакомыхъ, медленно ступали кони третьей колесницы, едва умѣстившей всѣ вѣнки, ровно и тихо шла осиротѣлая восьмая рота...

* * *

«Плакучая ракета на могилѣ
дѣвы всѣ вѣтви свѣсила налѣво,
гдѣ юноши печальная могила.
Сомнѣнья нѣтъ—его любила два!
Мушкетаро.

На далекомъ старомъ кладбищѣ, возлѣ новой каменной церкви, выкопаны рядомъ двѣ могилы, обложенныя темной зеленью еловыхъ вѣтокъ; новая жадная толпа любопытныхъ, опередивъ печальный кортежъ, была уже давно тамъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что съ трудомъ удалось пронести гробы и пройти роднымъ и друзьямъ съ вѣнками.

Старикъ священникъ внятно совершаетъ отпѣваніе и, благословивъ два бѣлыхъ гроба, говоритъ трогательную рѣчь...

Всѣ преклонили колѣна.

Кругомъ раздавались рыданія, крикъ безумнаго людского горя, громкія вопли растерзанной души бѣдной матери. Всѣ утирали слезы.

А за старой кладбищенской стѣной и обвалившимся валомъ, выдавшимъ виды и пережившимъ два кровавыхъ ужасныхъ возстанія, восьмая рота, такъ любившая покойнаго, отдавала своему командиру послѣдній воинскій долгъ, послѣднее родное прости, и ихъ дружный раскатистый залпъ жалобно слился съ печальнымъ перезвономъ старыхъ кладбищенскихъ колоколовъ, полнымъ торжественной печали...

А. Лангъ.

